

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГРУППИРОВКИ В БАГРАТИДСКОМ ЦАРСТВЕ НАКАНУНЕ ЗАХВАТА АНИ ВИЗАНТИЕЙ

Р. И. МАТЕВОСЯН

Год 1045-ый стал роковым для Багратидского царства—Византия захватила значительную часть ее территории со столицей Ани. Удалось это сделать путем дипломатических махинаций и обмана.

Однако откровенно агрессивной акции был придан «законный» вид, предлогом для вымогательства и аннексии послужило так называемое «завещание» армянского царя Иованнеса-Смбата (1020—1041), составленное за четверть века до этого.

Разгромив Болгарию в 1015—1016 гг., Византия перенесла центр своей внешней политики на Восток, на повестке дня стоял вопрос захвата независимой части Армении и стран Закавказья.

В 1021 г. император Василий II (976—1025) прибыл в Карни. Оттуда он обратился к царю Иованнесу с требованием «завещать» ему свое царство. Последний в силу ряда обстоятельств вынужден был выполнить это требование.

Зимой 1021—1022 гг. католикос Петрос Гетадардз прибыл в Трапезунт, где находился тогда император, и передал ему «завещание» Иованнеса, по которому после смерти последнего Багратидское царство должно было отойти империи¹.

В 1041 г. настало время выполнить «завещание», однако в стране началась борьба за сохранение государственности. Перипетии и финал этой борьбы хорошо известны—в 1045 г. царь Гагик II обманом был завлечен в Константинополь, где его заставили обменять царство на ряд областей в Каппадокии.

В армянской историографии события периода 1021—1045 гг. подробно освещены в монографических исследованиях, большое внимание в них уделено отдельным этапам борьбы против византийской агрессии, соперничеству политических группировок при дворе (сторонников и противников Византии) и т. д.

В исследованиях показано, что при дворе (и в стране) образовались две группировки—одна была решительно против выполнения «завещания» Ованеса, ее возглавлял спарпет армянского войска Вахрам Пахлавунн. Другая была за выполнение Трапезунтского соглашения. Она особенно проявила себя в период между кончиной Иованнеса и коронацией его законного наследника—Гагика II (1041—1042 гг.) а также в годы кратковременного правления последнего. Ее возглавляли католикос Петрос и влиятельный придворный Саргис Айказн. Однако недавно «традиционное» признание существования противоборствующих группировок в Ани (и в стране) было поставлено под сомнение византинистом. В. Степаненко². По его мнению, вопрос о группировках внутри правящей вер-

¹ Повествование Аристакеса Ластивертци, перевод с древнеармянского К. Юзбашьяна, М., 1968, с. 63.

² В. Степаненко, К идентификации личности веста в «Матнине Картлнса» (Византийский временник, т. 41, М., 1980, с. 163—172).

хушки (почему только верхушки?—Р. М). Анийского царства «был четко поставлен и разрешен в основном в духе борьбы двух партий К. Н. Юзбашяном. Позже он более осторожно подошел к данной проблеме. Затрагивал ее и Р. М. Бартикян»³. Такое заявление, мягко говоря, вызывает недоумение. Мнение о существовании двух группировок в армянской историографии было высказано и обосновано очень давно как в общих работах по истории армянского народа, так и в специальных исследованиях. Здесь нет необходимости перечислить все работы. Укажем лишь основные, написанные в прошлом и нынешнем столетии (большинство на армянском языке)⁴. В. Степаненко берет под сомнение принятое положение о группировках. По его мнению, «деление анийской аристократии на две противоборствующие группировки на основании приписываемой им внешнеполитической ориентации не может быть установлено на основании существующих источников. Последние прослеживают судьбы лишь отдельных, наиболее влиятельных деятелей данного периода, но не судьбы группировок». Их, по мнению автора, невозможно делить на последовательных византинофилов и патриотов.

Анализ источников, освещающих данную проблему, показывает, заявляет автор, что термины «провизантийская», «патриотическая» применительно к группировкам, существование которых проблематично, неадекватно отражают действительность, создавая впечатление о существовании определенных политических партий, имеющих программу защиты или предательства национальных интересов⁵. Для обоснования своих возражений автор «еще раз» обращается к источникам. У него два главных аргумента: 1. термины «провизантийская», «патриотическая» (группировки) создают лишь впечатление (курсив наш—Р. М.) о существовании группировок. К этому выводу приводит, по его мнению, анализ первоисточников. 2. Такой вывод, согласно автору, подтверждается ролью Саргиса Айказна.

Ни первый, ни второй аргументы, как увидим ниже, не убедительны, приводимые Степаненко доводы и проведенный им анализ первоисточников не убеждают в правоте его возражений и выводов. Обратимся к его аргументации.

Доказывают ли сведения первоисточников существование двух группировок с их противоположной политической ориентацией? Об

³ К. Юзбашян, Аристокс Ластивертци и его труд (Повествование Вардапета Аристокса Ластивертци, с. 23, 24, 89); Его же, Повествование Аристокса Ластивертци и закат «эпохи Багратидов» (автореф. докт. дис., Л., 1975, с. 18, 19); Р. Бартикян, К вопросу о политической ориентации Григория Магистра (Страницы истории и филологии армянского народа, Ереван, 1971, с. 63—72).

⁴ М. Чамчян История Армении, т. 2. Венеция, 1785, с. 919—922, 931—937; К. Костанян, Владыка Петрос I Гетадардз, Вагаршапат, 1898, с. 30; Лео, История Армении, т. 2 (Сочинения, т. 2, Ереван, 1967, с. 659, 661, 662, 668, 669, 671, 674 и сл.). (Работа закончена в 1920, первое издание—1947); С. Еремян, Армения в IX—первой четверти XIII в. (Очерки истории СССР, ч. 1, М., 1953, с. 613, 614); Б. Аракелян, Городская администрация и самоуправление в средневековой Армении (*Պատմա-քաղաքագրական հանդես*, 1961, № 3—4, էջ 69—70); Я. Мавандян, Критический обзор истории армянского народа, т. 3 (Сочинения, т. 3, Ереван, 1977, с. 23, 24 (первое издание—1960 г.); А. Арутюнян, Армения в IX—XI вв., Ереван, 1959, с. 273—279, 285 и сл.; Т. Акопян, История Ани (с древнейших времен до 1045 г.), Ереван, 1980, с. 351, 352, 360, 363 и сл.

⁵ В. Степаненко, указ. соч., с. 164.

этом двух мнений быть не может—конечно, доказывают. Приведем соответствующие сведения источников. Основные из них—сочинения Аристакеся Ластивертци (XI в.) и Маттеоса Урхаеци (первая половина XII в.). Аристакеc Ластивертци, современник событий, пишет, что после смерти царя Ованнеса Саргис, «из числа главных азатов Армении», попытался стать царем над «домом Ширакским» и прилегающими гаварами, поскольку он при его (т. е. Ованнеса) смерти был регентом. Но Вахрам Пахлавуни (спарапет армянского войска) вместе со своими родичами, сыновьями и племянниками (всего тридцать азатов) не примкнул к нему и призвали Гагика (племянника Ованнеса), поставили его своим царем и ввели в город (Ани)⁶. Далее он пишет, что император Константин Мономах пригласил Гагика в Константинополь, последний колебался, но в конце концов отправился к императору, не послушав Вахрама и других азатов, которые возвели его на престол, а послушался коварного Саргиса и отправился к грекам⁷. Гагик больше не вернулся на родину. Городская знать (вернее—правители города Ани), пишет историк, видя, что Гагик задержан в Греции, решила сдать Ани (т. е. царство) либо Давиду Двинеци (Двинскому), ибо на его сестре был женат Гагик, либо абхазскому царю Баграту⁸.

Как видно из приведенных сведений, историк упоминает азатов, знать, сторонников царя Гагика—иначе говоря, кроме князя Вахрама были и другие представители феодальной знати, которые поддерживали Гагика.

В таком же духе высказывается и Маттеос Урхаеци. Император Мономах, пишет историк, приглашал Гагика в Константинополь («написал письмо с великой клятвой»). Последний, зная коварство ромеев, отказывался ехать, «тогда коварный Саргис и другие из вельмож (азатов), ранее объединившиеся, которые подали идею Мономаху, поощряли его и говорили: «О царь, чего ты боишься и не едешь после такой клятвы и посредничества Евангелия и св. креста; а в нас не сомневайся, мы готовы умереть за тебя»⁹.

Призвали они в посредники католика Петра, продолжает автор, и поклялись «страшной клятвой... и дали клятвенную грамоту патриарх и все армянские ишханы и тогда отправился в путь Гагик...»¹⁰. В Константинополе император потребовал сдать ему царство, а Гагик категорически отказался. Однако католикос послал Мономаху ключи от города и письмо, в котором предлагал ему взять «весь Восток» (имеется в виду Багратидское царство). Историк пишет: «Но отступники коварные, те, кто дал страшную клятву, отправили сорок ключей Ани царю Мономаху и грамоту—пусть город Ани и весь Восток отойдет тебе»¹¹. В приведенном отрывке прямо

⁶ Повествование..., с. 81.

⁷ Там же, с. 84.

⁸ Там же, с. 85. Филолог Г. Манукян считает, что Давид и Двинеци—разные персоны, последний—это эмир Двина Абу-л-Асвар Шаддадид. По его мнению, в тексте сочинения Ластивертци произошла путаница—должно быть—«сестра Гагика была его (т. е. Абу-л-Асвара—Р. М.) женою». Подобное предположение подтверждается свидетельством того же историка о том, что Абусуар был зятем Ашота IV. А Давид—это лорийский царь Давид Безземельный (Анхоин); Г. Манукян, Аристакеc Ластивертци, Ереван, 1971, с. 168—173.

⁹ Маттеос Урхаеци, Хронография. Вагаршпат, 1898, с. 94.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 95.

указаны противники Гагика—католикос и «те, кто дал клятву», но предал, т. е. феодалы—сторонники Византии.

О них же пишут авторы XII—XIII вв.—Самвел Анеци и Киракос Гандзакеци. В сочинении Гандзакеци сказано: «ишханы и войско, и особенно патриарх Петрос... посадили царем над собой Гагика, племянника Иованнеса, поклявшись и дав обет верою служить ему..., греки обманом зазвали его к себе, тем более что им споспешествовали ишханы, коварно изменившие клятве—чистосердечно поддерживать власть его над собою; но они не остались верными клятве»¹².

Таким образом, источники XI—XIII вв. прямо указывают на наличие группировок—одна из них—это азаты и часть знати во главе с Вахрамом Пахлавуни. Другая группировка—это те, кто нарушили «клятву верности» Гагику и предали его. Эта группировка сторонников Византии. Поэтому заявление Степаненко о том, что деление «анийской» аристократии на две противоборствующие группировки не может быть установлено данными первоисточников—является недоразумением и глубоким заблуждением автора.

Далее он же пишет, что внешнеполитическая ориентация ведущих политических деятелей царства—Саргиса Айказна, католикоса Петроса и Вахрама Пахлавуни—была теснейшим образом связана и определялась борьбой за анийское престолонаследие, их позицией относительно соглашения 1017—1018 гг.¹³ В связи с этим выявление этапов внутривосточной борьбы в Анийском царстве в 10—40-е годы XI в. дает возможность внести *существенные* (курсив наш—Р. М.) коррективы в традиционную оценку деятельности Саргиса и объяснить тот парадоксальный факт, что накануне сдачи Ани Византии Саргис Айказн перешел на сторону Грузии (как считает автор, об этом подробно—ниже) и сдал ей Анийские крепости¹⁴. Весьма спорная точка зрения, которая, на наш взгляд, неприемлема.

Саргис Айказн, или как обычно его называют исследователи, Вест Саргис, был одним из влиятельных вельмож при Багратидском дворе в 30—40-е гг. XI в. В армянской историографии его считают главой византинофилов (вместе с католикосом Петросом), который после смерти царя Иованнеса добивался сдачи Ани вместе с царством Византии, т. е. выполнения «завещания» Иованнеса по соглашению 1022 г. Его провизантийская ориентация отчетливо отражена в сообщениях историков XI—XIII вв., а тесная связь с Византией—в византийских титулах, которые он получал от императоров. Эти титулы указаны в одной из надписей церкви св. Саргиса в Хцкон... Приводим часть надписи, относящуюся к титулам: «Во имя Бога, 482 (1033) год армянского летосчисления, в патриаршество Петроса, католикоса армянского, шахиншаха Смбата, сына шахиншаха Гагика, жил Саргис, усыновленный и любимый вассал трех греческих царей,

¹² Киракос Гандзакеци, История Армении, перевод с древнеармянского, предисловие и комментарий Л. Ханларян. Ереван, 1976, с. 83.

¹³ Автор имеет в виду соглашение между сыновьями Гагика I—Иованнесом и Ашотом. О нем будет подробно сказано по ходу статьи, здесь же необходимо отметить, что соглашение было заключено в 1020 г., после кончины их отца, а не в 1017 г., как неверно указано в статье Степаненко.

¹⁴ В. Степаненко, указ. соч., с. 164.

от них троих он был пожалован титулами антипата патрика, веста и дука Востока...»¹⁵.

В. Степаненко считает, что получение Саргисом первого византийского сана можно связать лишь с событиями 1021 г. (т. е. заключением Трапезундского соглашения)¹⁶. Откуда такая уверенность? Имеются ли какие-либо сведения или хотя бы намеки на это. Никаких.

Для характеристики Саргиса как политического деятеля необходимо, во-первых, уточнить, с какого времени он занимает высокие посты при дворе и приобретает политический вес в кругах армянской феодальной знати. В источниках (нарративных и эпиграфических) первое упоминание о Саргисе относится к середине 30-х гг. XI в. Это надпись Текорского храма, высеченная в 1035—1036 гг.: «В 485 (1036) году армянского летосчисления, в царствование шахиншаха Иованнеса и в патриаршествование владыки Петроса, армянского архимандрита, и во время «тэрутюна» (т. е. властвования—Р. М.) Саргиса, дука Восточного. Я...»¹⁷. Далее он упоминается в сочинениях Ластивертци и Урхаеци как активный участник внутриполитической борьбы, связанной с происками Византии в отношении анийского престола. Поскольку в 10—20-х годах и первой половине 30-х годов его имя нигде не упоминается, то логично предположить, что и положения при дворе он добился именно с середины (или с начала) 30-х годов. А мнение Степаненко, будто Саргис удостоился первого византийского сана уже в 1021 г., ошибочно, поскольку его попросту не было при дворе.

Невозможно согласиться также и с мнением, будто Саргис стал регентом после смерти Иованнеса¹⁸. Мы считаем, что регентство Саргис получил в 30-х годах, выражение *ի տիրութիւն Սարգիսի* («во время властвования Саргиса») может означать лишь выполнение тех функций, которые возлагались при царском дворе на «հոգաբարձու». Так называет его Аристакес Ластивертци¹⁹. Из сообщения историка ясно видно, что Саргис был регентом уже при кончине (а не после), но вернее был *հոգաբարձու* при жизни Ованеса. *Հոգաբարձու* означает куратор, веракац²⁰.

¹⁵ См.: Г. Алишан, Ширак, Венеция, 1881, с. 126, 127. Русский перевод см.: Армянские надписи в Карсе, Ани и в окрестностях последнего, перевод Н. Эмина, М., 1881, с. 83.

¹⁶ В. Степаненко, указ, соч., с. 165. По его мнению, остальных санов он был удостоен ко времени построения церкви, т. е. в 1032—1033 гг.

¹⁷ Армянские надписи в Карсе, Ани и окрестностях последнего, с. 82. Г. Алишан, Ширак, с. 134, 135.

¹⁸ В. Степаненко, указ, соч., с. 167 («...после смерти шахиншаха (Иованнеса-Сибата—Р. М.) реальная власть в уделе оказалась в руках его *сторонника* (курсив наш—Р. М.)—регентом был назначен Саргис Хайказн»). В таком случае он стал оказывать влияние при дворе начиная только с 1041 г. Тогда не может быть и речи о его влиянии в 1021 г. Независимо от этого, как мы указали выше, это влияние до 30-х гг. XI в. совершенно не отмечено в источниках.

¹⁹ «...ղամենայն գանձսն գտեալ ի տուն թագաւորին Յովհաննէիսի՝ ինքն ժողովեաց զան զի ի մահուան նորա նա էր հոգաբարձու նմա». Պատմութիւն Արիւսապետի Նաւարիւրացւոյ, աշխատասիրութեամբ Կ. Յովհաննէի, Երևան, 1963, էջ 57: В русском переводе «...ведь он сумел прибрать к рукам все сокровища из дворца Иованнеса, ибо после его смерти был назначен регентом» (Повествование..., с. 81).

²⁰ Новый словарь армянского языка (на армянском языке), т. 2, Венеция, 1837, с. 110.

Из сообщений историков XI—XIII вв. видно, что *հոգաբարձն* следил за царскими крепостями, казной, выполнял некоторые административные функции в царском уделе и т. д.²¹ Вот о каком «тэрутюне» (властвовании) говорится в текорской надписи 1036 г.—это вассальная служба «верных»—феодалов, выполнявших административно-служебные функции в царском уделе. Она соответствует западноевропейской придворно-государственной службе майордома.

После смерти шахиншаха регентом был назначен Саргис, пишет Степаненко, именно тогда встал вопрос о судьбах удела: перед анийской аристократией стояла дилемма—или содействовать выполнению условий Трапезундского соглашения или бороться за сохранение независимости и, быть может, (а почему—быть может?—Р. М.) за воссоединение обоих уделов²². Первый путь был чреват утратой анийской аристократией ее привилегированного положения—фактического вершителя судеб удела (почему удела, а не царства?—Р. М.). Второй—предполагавший воссоединение уделов или унию анийского удела с одним из соседних государств—был предпочтительнее. Личная уния, как показали дальнейшие события, была возможна с Ташир-Дзорагетом, Двинским эмиратом Шаддадилов, Грузией и уделом Ашота, который наследовал его сын Гагик²³.

С таким выводом автора невозможно согласиться. Во-первых, как сказано было выше, Саргис был назначен регентом еще при жизни Иованнеса, а, во-вторых, вопрос об унии возник не после смерти Иованнеса (т. е. в 1041 г.), а после лишения Гагика престола и его пленения в Константинополе в 1045 г. А в 1041 г. речь шла о воссоединении обеих половин Багратидского царства под скипетром Гагика II, т. е. о выполнении условий соглашения 1020 г. Лишь тогда, когда армянская знать убедилась, что Гагик не вернется на родину, возник вопрос о новой кандидатуре на престол. Как известно, предлагалась кандидатура Давида, царя Ташир-Дзорагета. Но если бы он получил престол, то не через унию, т. к. в ней не было никакой необходимости: он был племянником Гагика I и стал бы царем на правах своего родства с ним, т. е. сменилась бы династическая линия, вместо Ширакской престол заняла бы Лорнийская (побочная ветвь Ширакского дома). Об унии с Двинским эмиратом вообще речи быть не может. Не было необходимости также и в унии с уделом Ашота, поскольку их объединение было предусмотрено соглашением 1020 г. Таким путем возродилась бы монархия, существовавшая при Гагике I (монархия периода феодальной раздробленности). Уния была возможна лишь с абхазо-грузинским царем Багра-том IV, при посредничестве его матери—внучки Гагика I Мариам Арцруни. Но если эта уния и состоялась бы, то не благодаря Саргису, а вопреки ему.

²¹ Маттеос Урхаеци пишет, что Гагик отнял у Саргиса крепости и области города (Ани) и отобрал казну. Все это (согласно сообщению Аристакеся Ластивертци) Саргис захватил после смерти Иованнеса и не отдавал Гагику после коронации последнего (Маттеос Урхаеци, с. 87). Должность *հոգաբարձն* в начале X в., при Сумбате I, называлась «*սեպտարիմ և հրահանատար*» («верный и военачальник»), следовал следил за крепостями царя, казной и охранял семью при вражеских на-егах (см. Иованнес Драсханакертци, История Армении, перевод с древнеармянского, вступительная статья и комментарий М. Дарбинян—Меликян, Ереван, 1986, с. 140, 155). *Յոգաբարձն Կաթողիկոսի Դրախանակերտեցոյ Պատմութիւն Հայոց, Տիգրիս, 1912, էջ 179.*

²² Там же, с. 167.

²³ Там же.

Степаненко считает, что признание или непризнание прав Гагика на престол шахиншаха и предопределило отношение сторонников Иованнеса—придворной аристократии, армии и церкви—к притязаниям Византии и соседних владетелей. Против имперских притязаний выступила армия, отразившая два похода византийских войск против Ани (1041). Аристократия же раскололась. Если Пахлавуни, возможно, (почему возможно?—Р. М.) опираясь на армию, спарпетом которой был Вахрам, признали Гагика и призвали его, то регент анийского удела Саргис не признал прав наследника Ашота на престол и начал борьбу с ним²⁴. Неверно. Если произошел раскол в рядах аристократии, то это значит, что существовали группировки²⁵. Что же касается группировки, ориентированной на Гагика, то ранее она ориентировалась на Ашота IV и существовала уже с 1020 г.

В. Степаненко считает, что коронация Гагика имела последствия не столько во внешнеполитическом аспекте (как противовес притязаниям Византии и младших ветвей Багратидов), сколько означала, что внутри страны Саргису Айказну, поддержанному *частью феодалов* (курсив наш—Р. М.), противопоставлен легитимный наследник Иованнеса. Тем самым государство было поставлено на грань гражданской войны, столкновение регента и шахиншаха было неминуемо²⁶.

Однако в корне неверно, что коронация Гагика имела последствия главным образом для внутривосточной жизни страны. Кроме того, если действительно после коронации Гагика началась гражданская война, то это доказывает наличие противоборствующих группировок, поскольку гражданская война не может вестись лишь между двумя политическими деятелями. Но на деле до этого не дошло—гражданская война намного более широкое понятие, чем конфликт, который возник между Гагиком II и Саргисом²⁷.

Мы привели данные первоисточников, которые недвусмысленно доказывают наличие двух противоборствующих группировок при Багратидском дворе в 30—40-х годах XI в.—«византинофилов» и «патриотов». Эти термины, принятые у историков-арменистов, изучающих (и изучавших) события 1020—1040 гг., не «создают впечатления», как выражается В. Степаненко, а отражают ту реальную ситуацию, ту среду, которая сложилась в Багратидском царстве в годы правления Иованнеса и особенно при Гагике II. Приходится отметить, что В. Степаненко не сумел правильно определить роль Саргиса Айказна в событиях 1030—1040-х годов, особенно 1041—1045 гг. Совершенно не подтверждается новое объяснение политической линии Саргиса в 1045 г.

²⁴ Там же, с. 168.

²⁵ В. Степаненко пишет, что Айказн претендовал на власть лишь в анийском уделе, поэтому значительная часть аристократии предпочла ему Гагика, коронация которого вела к возрождению Анийского царства во главе с нею (т. е. аристократией). (Там же, с. 168). Однако выражение «значительная часть анийской аристократии» фактически означает антивизантийскую группировку, которая ориентировалась на Гагика, а ранее—на Ашота IV, существование которой отрицает В. Степаненко.

²⁶ Там же, с. 168.

²⁷ В. Степаненко отмечает ту большую роль, которую играл Айказн в событиях после вхождения Гагика в Ани «в качестве главы оппозиции шахиншаху». По его мнению, Айказн и после поражения в борьбе за власть «сохранил свои позиции, сторонников, контроль над частью территории удела...» (там же, с. 169). Но тем самым он прямо указывает на наличие оппозиции, т. е. группировок.

Его мнение о том, что будто Саргис накануне сдачи Ани Византии перешел на сторону Грузии,—явно ошибочно. Оно является результатом неправильного толкования одного сведения в грузинском историческом сочинении «Матиане Картлиса» (XI в.), в котором имеется краткое сообщение о Саргисе. В одном из пассажей сказано: «и вновь усилился Баграт и возвеличился Баграт в стране своей. Судьба доставила Баграту благоприятный час (перешел под его власть) вести с (подчиненными ему) девятью анийскими крепостями, за исключением Амберда. Передали анийцы Аниси (матери Баграта), т. к. сородичами приходились ему армяне—мать Баграта, царица Мариам, была дочерью армянского царя Сенекерима»²⁸. Но в этом сообщении нет ничего такого, что позволило бы переосмотреть поведение Саргиса. В нем речь идет о двух событиях, известных также и по армянским источникам. Первое—передача некоторых анийских (т. е. царских, государственных) крепостей Абхазии, т. е. Грузино-абхазскому царству. Об этом сообщает также Маттеос Урпаец: вначале он говорит, что Саргис увез казну в Абхазию, а затем рассказывает, как вступивший на престол Гагик отобрал у своих врагов крепости, области, города и всю казну²⁹. Именно о выступлении Саргиса до коронации Гагика и связях его с Абхазией говорится в приведенном сообщении грузинского анонимного автора XI в. Далее грузинский источник сообщает о попытке передачи Ани Баграту IV. Соответствующее сведение об этом событии в сочинении Аристакеса Ластивертци было приведено выше³⁰.

Как известно, часть анийской знати во время кризиса 1045 г. считала возможным заключить унию с Багратом IV (1027—1072), поскольку его мать была дочерью васпураканского царя Сенекерима Арцруни и внучкой «шахиншаха армян и грузин» Гагика I. Это родство с Ширакскими Багратидами служило правовой основой для унии с абхазо-грузинским царем. Мариам даже прислала своих представителей в Ани, но их оттуда хитростью удалил противник Баграта, влиятельный феодал Липарит³¹. Следует, однако, учесть, что в соответствующем абзаце из «Матиане Картлиса», который был выше полностью процитирован, говорится о двух разных событиях. Первое имело место в 1041 г. (передача Саргисом крепостей Абхазии и перенос туда царской казны), а второе—в 1045 г.—передача Ани Баграту через царицу Мариам Арцруни. Не разобравшись в том, что речь идет о разных событиях, В. Степаненко сделал вывод о переходе Саргиса на сторону Грузии накануне сдачи Ани Византии и на этом основании внес «существенные» коррективы в оценку деятельности Саргиса. Однако первоисточники подтверждают верность той оценки, которая дана политической линии Саргиса в армянской историографии и нет никаких оснований для ее пересмотра.

(Продолжение следует).

²⁸ Матиане Картлиса. Перевод, введение и примечания М. Лордкипанидзе, Тбилиси, 1976, с. 49.

²⁹ В армянских источниках рассматриваемой эпохи Грузино-абхазское царство называется Абхазией: Маттеос Урпаец, с. 84, 87. Повествование..., с. 81.

³⁰ См. страницы 63, 66 данной статьи.

³¹ Подробно об этих событиях см.: С. Еремян. Полководец Липарит и его предки («Труды» кабинета им. Н. Марра Ереванского гос. университета, т. 2, Ереван, 1947, с. 130—133); По мнению С. Еремяна, князь Липарит действовал по указке империи.